

Бессмертный Владыка Цинчэнь ждал, пока Лю Фэнмянь скроется в сосновой роще, и только тогда собрался повернуть обратно во Дворец Фэнхуа.

Но в тот самый момент, когда он ступил на порог, он вдруг отдернул ногу, ощутив поблизости чуждую праведным адептам ауру. Это была зловещая энергия, необычайно густая и мощная, принадлежащая кому-то, с кем он был прекрасно знаком.

Мягкое выражение лица Бессмертного Владыки Цинчэня исчезло, взгляд стал холодным, как лед. Сохраняя бесстрастное выражение лица, он холодно бросил:

— Выходи!

— Ха-ха-ха, Е Цинфэн! До чего же занятный у тебя ученик! — раздался легкомысленный, насмешливый голос мужчины в алых одеждах, вышитых узорами из облаков.

Услышав, что незваный гость беззастенчиво и дерзко называет его по имени, которого он не слышал уже много лет, он лишь еще сильнее нахмурился.

Алый силуэт сорвался с ветки бегонии, усыпая землю лепестками, похожими на капли крови.

Мужчина прищурил свои соблазнительные персиковые глаза с красноватым отливом, уперся подбородком в белоснежный веер и, не скрывая развязного взгляда, принялся разглядывать Е Цинфэня с ног до головы.

— С древних времен добро и зло несовместимы. Неужели Моцзунь пожаловал сюда умереть?

В руке Е Цинфэня материализовался Меч Разящий Луну — несравненный, единственный в своем роде и сильнейший меч в Поднебесной, способный карать Демоническую Нечисть и раскалывать горы и реки, обладающий поистине ужасающей мощью.

Мужчина в красном, именуемый Моцзунем, продолжил дразнить его, испытывая его терпение на прочность:

— Как-никак, мы с тобой старые знакомые. Одолжишь мне своего ученика поиграть? В конце концов, у тебя есть еще один.

Е Цинфэн холодно усмехнулся и произнес имя гостя прямо:

— Синь Ихань, неужели ты хочешь, чтобы Бэньцзунь стер с лица земли твой Дворец Темных Облаков?!

— Ох, какая несговорчивая шутка.

— Говорят, праведные секты тоже ищут сошедшую с небес Небесную Книгу. Кому в итоге достанется это сокровище — еще бабушка надвое сказала, — загадочно бросил Синь Ихань, намекая на что-то понятное лишь ему одному, после чего произнес заклинание и мгновенно вернулся в Дворец Темных Облаков.

Очутившись в собственных покоях, он только тогда вспомнил, что вообще-то отправлялся к этому ледяному чурбану исключительно за тем сборником историй.

Слухи гласили, что Моцзунь Синь Ихань жесток и безжалостен, не ведает человечности и обогрил руки кровью бесчисленных адептов праведных сект.

Во все времена еретические пути вызвали всеобщее презрение и ненависть. Любой, кто связывался с демоническими силами, вне зависимости от того, творил ли он зло, неизменно становился мишенью для проклятий и безжалостной охоты.

Тот самый легендарный Моцзунь Синь Ихань некогда был соучеником Бессмертного Владыки Цинчэня, и оба они обладали выдающимися талантами. Однако Синь Ихань все же немного уступал Е Цинфэню. Не желая смириться с этим, он сгорал от безумной зависти, и из-за обилия суетных мыслей у него зародился внутренний демон.

В один прекрасный день во время медитации он впал в безумие, был изгнан из секты и встал на Путь Демонов, превратившись в могущественного Культиватора Пути Демонов, чье мастерство превзошло силы всех остальных демонических практикующих.

С тех пор множество последователей Пути Демонов склонили перед ним головы, провозгласив его Моцзунем, и единственным, кто мог противостоять ему на равных, оставался лишь его бывший старший соученик Е Цинфэн, он же Бессмертный Владыка Цинчэнь.

Как ни странно, у столь жестокого и кровожадного Моцзуня уже целое столетие хранился один секрет: он до безумия, до фанатичного помешательства любил читать новеллы и хроники.

Услышав от какого-то мелкого зеленокожего демона, что тот заметил странную диковинную книгу, упавшую с небес, и собирался преподнести ее в дар владыке, но ее опередил Бессмертный Владыка Цинчэнь с Пика Охвата Луны, Синь Ихань и решил нанести визит своему бывшему соученику, у которого не появлялся уже несколько десятков лет.

Ничего страшного, он навестит его в другой раз — заодно и поближе познакомится с тем пареньком, учеником Е Цинфэня.

То зрелище было донельзя забавным. Его почтенный соученик на протяжении десятилетий сохранял на лице одно и то же выражение, но сегодня посчастливилось воочию увидеть, как

меняется его мимика. До чего же интересное зрелище.

А тот юный культиватор оказался поистине прекрасен: кожа бела как нефрит, губы ярко-красны — настоящий прелестник. Неудивительно, что Е Цинфэн так трясется над своим драгоценным учеником.

Алые продолговатые глаза Синь Иханя сверкнули хищным блеском, словно он приметил забавную добычу, и на дне его зрачков на мгновение мелькнули возбуждение и свирепость.

Бессмертный Владыка Цинчэнь: Старший ученик, кажется, избегает меня. И что теперь делать? неужели я был слишком настойчив и инициативен?

Моцзунь: Какой интересный юный культиватор. Так и хочется утащить его к себе поиграть, заодно доведя до белого каления этого ханжу Е Цинфэня.

Когда Лю Фэнмянь только сочинял этот роман, он наделил Наставника образом неприступного, холодного и сдержанного горного пика — существа, чье имя гремело на весь Мир Культивации и которым восхищались бесчисленные адепты.

И вот перед читателями представал столь безупречный, изысканный и утонченный мужчина, чья строгая невозбудимость заставляла многих мечтать о том, чтобы увидеть на нем следы совсем иных красок.

Прекрасный, как недостижимый цветок на вершине скалы — им можно лишь любоваться издали, но не дозволено касаться.

Если бы этот возвышенный, непорочный и чистый словно лед бессмертный пал из рая прямо в пучины ада, превратившись из надменного гордеца в изломанную игрушку — одна эта мысль пробуждала непреодолимые темные инстинкты. Как же волнительно было бы сломать его, уничтожить, осквернить!

Бывший младший соученик, питавший к нему смешанное с ненавистью обожание, а ныне — Моцзунь, разделял ровно те же желания.

Разумеется, подобные фантазии посещали не одного лишь Моцзуня: даже младший соученик, Старший Ученик и ученики из соседних обителей порой не могли обуздать воображение.

Каждый из них тайком мечтал обуздать его, опутать железными цепями, заставить покраснеть кончики его глаз, умоляюще шептать их имена и вечно оставаться рядом, каждую ночь засыпая в объятиях друг друга.

Лю Фэнмянь искренне раскаивался в том, что написал подобное произведение. В процессе создания он получал колоссальное удовольствие, но стоило ему самому угодить внутрь книги,

как его охватило отчаяние.

Сейчас Наставник испытывает к младшему ученику лишь жалость и заботу, но стоит сделать еще шаг — и неизбежно вспыхнут совсем иные чувства. Стоит ему лишь немного подтолкнуть события, как все пойдет как по маслу.

Как только он заполучит Камень Изменения Формы, чтобы сменить обличье и скрыть свою истинную ауру, он обучится искусству обольщения и начнет действовать. Приблизиться к нему не составит труда, и тогда этот Наставник наверняка его не узнает.

Хотя сам он никогда прежде не состоял в романтических отношениях, ему доводилось писать массу любовных историй. В поисках вдохновения он пересмотрел уйму фильмов и сериалов, и в моменты творческого озарения слова сами ложились на бумагу, а каждая его книга пользовалась огромным успехом.

Очаровать кого-нибудь для него не составит труда.

— Ох, Наставник, Наставник, ради твоего же счастливого будущего мне пришлось поломать голову! — Лю Фэнмянь прислонился спиной к стене, зажав в зубах травинку, из-за чего его слова звучали невнятно.

Впрочем, в темнице было даже уютнее. Жить в Море Культивации — задача не из легких: мало того, что ежесекундно трясешься за собственную шкуру, так еще и приходится постоянно следить за каждым движением. Настоящее безумие.

Создавая этот роман, он просто следовал популярным нынче трендам на истории об отношениях с учителями, но результат превзошел все ожидания.

В тишине и полумраке темницы звук падающих капель воды казался оглушительным, время от времени у самого уха назойливо жужжали мелкие мошки, и Лю Фэнмянь ловким движением руки поймал одну из них.

С тех пор как он попался здесь, ему еще не доводилось вкушать пищи. Конечно, культиваторы после достижения стадии венецианского поста не нуждались в еде, но ему отчаянно хотелось отведать какого-нибудь лакомства — на эмоциональном уровне голод давал о себе знать.

<http://bllate.org/book/26439/3165307>